

С.Д. Джакупова

ЯЗЫК КАК УСЛОВИЕ ВОЗМОЖНОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ СЛЕДСТВИЯ

В социологической теории существуют различные исследовательские перспективы, в рамках которых рассматриваются проблемы социального взаимодействия и по-разному концептуализируются такие его «составляющие», как язык и пространство. Одна из теоретических возможностей – рассматривать пространство как условие социального взаимодействия, в буквальном или метафорическом смысле; тогда язык становится средством. Мы хотели бы остановиться на другом решении, а именно – когда язык рассматривается в качестве условия возможности социального взаимодействия. Речь пойдет о теории коммуникации Юргена Хабермаса: о том, какие последствия для теории коммуникации будет иметь подобное понимание языка и какое место в такой теории отводится пространству.

Хабермас разрабатывает теорию коммуникации как теорию социального взаимодействия, используя социологическое понятие действия. В статье «Что такое универсальная прагматика?» (1976) он говорит не просто о коммуникации, а о *коммуникативном действии* как о фундаментальном типе социального действия. В дальнейшем это понятие становится одним из центральных для хабермасовской теории коммуникации: в двухтомнике «Теория коммуникативного действия» (1981) дается следующее «предварительное определение» коммуникативного действия: это *взаимодействие* как минимум двух способных говорить и действовать субъектов, вступающих в межличностные отношения; они ищут *взаимопонимания* относительно ситуации действия с целью координирования своих планов действия, а, следовательно, и своих действий. При этом в процессе (взаимной) *интерпретации* должна происходить выработка таких определений ситуации, которые могли бы привести к *согласию*. В такой модели коммуникации язык получает определяющее значение: в самом деле, речь идет именно о выработке определений ситуации, и языковое взаимодействие является необходимым условием взаимной интерпретации участников взаимодействия, а значит и необходимым условием достижения взаимопонимания и согласия.

Что же лежит в основе принципиальной возможности взаимопонимания? *Универсальность коммуникативной компетенции*; т.е. представление о том, что все люди обладают способностями, благодаря которым они определенным образом выстраивают языковую коммуникацию; реконструкция этой компетенции и есть задача универсальной (формальной) прагматики. Вводя понятие коммуникативной компетенции, Хабермас опирается на идеи Н. Хомского, в частности, на его представление о том, что языковая способность человека обусловлена наличием неких ментальных структур, которые, по Хомскому, являются врожденными. Хабермасу столь сильная позиция не нужна, для его рассуждения достаточно принципиального наличия у человека универсальных компетенций, пусть и приобретенных. Впрочем, аналогия здесь не полная: понятие языковой компетенции у Хомского противопоставляется понятию *представления (performance)*, т.е. способности говорящего использовать высказывания в процессе взаимодействия. Предметом универсальной прагматики являются именно последняя; ее Хабермас и называет коммуникативной компетенцией. Итак, коммуникативная компетенция – это способность определенным образом выстраивать диалогическое взаимодействие. Вступив в коммуникацию, совершая коммуникативное действие, говорящие, произнося высказывание, устанавливают определенные отношения между этим высказыванием и *объективным, субъективным и социальным мирами*. Иными словами – выдвигают определенные *притязания на значимость (validity claims)*: *внятность (comprehensibility)* (соответствует тому, что Хомский называл языковой компетенцией), *истинность* (соответствие содержания высказывания положению вещей в объективном мире), *искренность* (соответствие субъективному миру говорящего), *нормативность (rightness)* (соответствие миру социальных норм). Говорящие также способны аргументированно подтверждать либо отклонять притязания на значимость собеседника. В результате такого взаимодействия говорящие достигают взаимопонимания и приходят к согласию. Естественно, существуют другие варианты развития ситуации взаимодействия: взаимопонимание, а значит и согласие достигается далеко не в каждом акте коммуникации; взаимопонимание может так и не быть достигнуто, и в этом случае осуществляется либо переход на другой *уровень взаимодействия (дискурсивный)*, на котором происходит диалогическая рефлексия относительно социальных норм), либо переход от коммуникативного к *стратегическому действию*, либо прерывание коммуникации. Таким образом, достижение полного

взаимопонимания и согласия характеризуют так называемую *идеальную речевую ситуацию*, нечто вроде универсальной модели коммуникации.

Если идеей коммуникативных компетенций Хабермас обязан Хомскому, то идеей их *универсальности* – К.-О. Апелю. Именно он разработал то *трансцендентально-герменевтическое понятие языка*, которое лежит в основе теории коммуникации Хабермаса. Язык в этом случае рассматривается как трансцендентальная величина в кантовском смысле, т.е. как *«условие возможности диалогического взаимопонимания и понимания самого себя, а благодаря этому – понятийного мышления, предметного познания и осмысленного действия (курсив мой – С. Д.)»*.

Апель полагает, вопреки тезису Витгенштейна об отсутствии у неограниченного количества языковых игр некой сквозной основной черты, что *«общность всех языковых игр, в действительности, состоит в том, что с изучением определенного языка – и, соответственно, с успешной социализацией в определенной “форме жизни”, “сплетенной” с употреблением языка – одновременно изучается нечто вроде языковой игры как таковой (или человеческой формы жизни как таковой): а именно, одновременно в принципе приобретается компетенция в рефлексии относительно собственного языка (или формы жизни) и в коммуникации со всеми другими языковыми играми»*. Иными словами, существует некие универсальные характеристики языковой игры как таковой; более того, предполагается возможность знания этих характеристик участниками коммуникации, причем речь идет не только и не столько о *знании-что*, а о *знании-как*. В терминах Витгенштейна это – следование правилам; в терминах Хабермаса и Апеля – коммуникативная компетенция.

Далее Апель приходит к понятию идеальной языковой игры идеального коммуникативного сообщества как к контрольной инстанции следования людей правилам. Предполагается, что эта идеальная языковая игра является условием возможности и значимости образа действия участника коммуникации как осмысленного. Апель предлагает называть ее *«трансцендентальной языковой игрой»*. Таким образом, коммуникативная компетенция, по Апелю, не имеет внеязыкового характера, а репрезентирует *«трансцендентальную языковую игру»*, усваиваемую одновременно с изучением языка.

Попытка Хабермаса создать универсальную прагматику, которая занимается реконструкцией коммуникативной компетенции, в определенном смысле является продолжением кантианской исследовательской программы. Однако Хабермас, как и Апеля, придерживается более «слабой» версии априоризма: «если мы обнаруживаем одну и ту же имплицитную понятийную структуру в основе любого связного опыта, мы можем считать эту базовую понятийную систему возможным опытом трансцендентальной». Это значит, что трансцендентальное исследование может теперь основываться на компетенциях познающего субъекта, способного судить о том, какой опыт можно назвать связным.

Таким образом, универсальная прагматика не является трансцендентальным исследованием в том смысле, что она не противопоставляется однозначно эмпирическому типу исследования. Вместо кантовского различения трансцендентального и эмпирического методов Хабермас использует собственное различие реконструирующих и эмпирико-аналитических методов; первые занимаются реконструкцией глубинных структур, компетенций, благодаря которым «порождаются» наблюдаемые вещи, а вторые – исследуют собственно эмпирическое. В отличие от трансцендентального метода, основанного на априорных знаниях, реконструирующий использует также и знание апостериорное.

Итак, можно рассматривать теорию коммуникации Хабермаса как развитие идеи Апеля о «трансцендентальной языковой игре», а, значит, языке как об условии возможности взаимодействия, при помощи понятий универсальной коммуникативной компетенции и коммуникативного действия. Такой угол зрения не обязательно подразумевает сведение взаимодействия к речевой коммуникации: все зависит от того, что здесь считать речевым (языковым). Еще раз уточним: когда Хабермас говорит о том, что коммуникативное действие не сводится к речевому акту, он имеет в виду то, что кроме претензии на внятность, соответствующей так называемой языковой компетенции (и в смысле Апеля и Хабермаса, т.е. противопоставленной коммуникативной компетенции, и в смысле Хомского, т.е. противопоставленной представлению – *performance*), говорящий выдвигает также претензии на истинность, искренность и нормативность. Когда мы говорим, что язык лежит в основе теории коммуникации Хабермаса, и что социальное взаимодействие таким образом сводится к языковому, мы имеем в виду язык в широком, или «трансцендентально-

герменевтическом» смысле, а именно: те прагматические компетенции, которые делают возможными коммуникацию, «трансцендентальную языковую игру». В этом смысле прав Апель, полагающий, что коммуникативная компетенция не может быть внеязыковой; это более чем верно, если исходить из трансцендентального, прагматического понимания языка.

Перейдем к рассмотрению теоретических следствий из концепции коммуникации, в основе которой лежит трансцендентально-герменевтическое понимание языка. Проблема кроется в том, что рассуждение об условиях возможности взаимодействия, не вызывающее вопросов на уровне метатеории, довольно плохо переносится в плоскость собственно социологического теоретизирования. И те теоретико-социологические построения, которые производит Хабермас, неизбежно наследуют характеристики исходных философских и социально-философских ресурсов. Попытаемся проиллюстрировать некоторые теоретические следствия, рассуждая о месте *пространства* в данной теории коммуникации. Для начала сосредоточимся на таком аспекте «пространственности» как *дистанция*.

Пространство как дистанция между участниками взаимодействия встроено во многие социологические теории взаимодействия, начиная с классических. Например, по Зиммелю, при увеличении расстояния между участниками взаимодействия чувственность теряет значение; то есть на близком расстоянии для взаимодействия важно все, что человек воспринимает о «Другом» при помощи зрения, слуха, обоняния и полового чувства; на более далеком – уже все это не важно.

Для Хабермаса не существует разницы, на каком расстоянии находятся участники взаимодействия: основное его содержание – передача оформленных языковым образом смыслов, взаимное выдвижение притязаний на значимость. Рассмотрим случай малой дистанции, или пространственной близости участников взаимодействия. Так как основой коммуникации являются произнесение высказываний и связанное с ним выдвижение притязаний на значимость, то в принципе неважно, находится ли собеседник в зоне возможного манипулятивного действия, в пределах досягаемости или же за этими пределами. Соответственно, при помощи этого концептуального аппарата невозможно описывать смыслы, возникающие и передающиеся благодаря тому, что участники коммуникации находятся в ситуации взаимодействия *лицом-к-лицу*.

Чтобы проиллюстрировать это, обратимся к такому аспекту пространственной проблематики, как *телесность*. В хабермасовской модели коммуникации телесность участников взаимодействия практически исключается из рассмотрения. Конечно, у человека есть тело, и он, к примеру, совершает определенные телесные движения. Они рассматриваются как элемент действия, но не действие; совершая действие, действующий субъект со-осуществляет вместе с ним и некие телесные движения, которые, кроме некоторых специфических случаев (обучение произнесению звука, например), не являются самостоятельным действием. Сходным статусом обладают и операции, которые входят в состав действия, но не затрагивают мир: «Правила операций не имеют объяснительной силы; ибо следование им не означает — как в случае следования правилам действий, — что действующий субъект устанавливает отношение к чему-то в мире и ориентируется при этом на притязания на значимость, связанные с мотивирующими действия причинами». То есть ни телесные движения, ни операции не являются осмысленными, а значит, не играют существенной роли в рамках коммуникативного действия.

Таким образом, что на близком, что на далеком расстоянии содержание взаимодействия одно и то же – выдвигание притязаний на значимость, их признание или опровержение, осуществляемое при помощи языка. В этом смысле мы можем сказать, что пространство как дистанция нерелевантно для коммуникации. Естественно, Хабермас не может вообще «убрать» пространство из рассуждения, ведь так или иначе участники коммуникации, вернее, их тела находятся в пространстве. Речь идет о том, что пространство, в данном случае дистанция между участниками, не является значимой для содержания коммуникации, или взаимодействия, т.е. не влияет на него существенным образом.

Помимо того факта, что концептуальный аппарат теории коммуникации Хабермаса остается нечувствительным к явлениям, характерным для взаимодействия *лицом-к-лицу*, ситуации соприсутствия в пространстве, надо отметить еще одно небезынтересное следствие из нечувствительности этой теории к дистанции между участниками взаимодействия. Если выше речь шла о ситуации пространственной близости участников взаимодействия, то теперь рассмотрим, к каким следствиям приводит возможность сколь угодно большая удаленность друг от друга.

Речь идет о возможном расширении пространства взаимодействия до «мирового сообщества». В самом деле, если на процесс коммуникации не оказывает влияния дистанция между его участниками, то логично предположить, что эта дистанция может быть сколь угодно большой, если в распоряжении коммуницирующих есть технические средства, позволяющие осуществлять коммуникацию.

Отвлечемся от проблематики дистанции и вернемся к рассуждению о том, что в основе любой коммуникации лежит представление о «трансцендентальной языковой игре». Напомним, что взаимопонимание в этом случае обеспечивается наличием у участников взаимодействия универсальной коммуникативной компетенции. Основываясь на идее универсальности коммуникативной компетенции, можно прийти к выводу о принципиальной возможности полного взаимопонимания между участниками взаимодействия. Не будем подробно останавливаться на ситуации, когда речь идет о взаимодействии внутри социальной группы, у членов которой есть общие фоновые знания, так как они разделяют общую форму жизни; здесь возможность полного взаимопонимания представляется более очевидной, хотя и не бесспорной.

Рассмотрим случай взаимодействия между членами различных социальных групп. В логике Хабермаса даже такое понимание выглядит достижимым: если предпосылкой взаимопонимания, а значит, и коммуникации, являются некие универсальные коммуникативные компетенции, не привязанные к конкретному языку, форме жизни или культуре, то это означает, что возможно полное освоение любого языка, формы жизни или «культурного образца» любой другой группы.

Подобная точка зрения применительно к языку в его семиотическом понимании означает, что любому выражению любого языка можно найти полное смысловое соответствие в любом другом языке, т.е. существует принципиальная возможность точного перевода. Благодаря своей коммуникативной компетенции человек «в принципе может, находясь в пределах того или иного языка, рефлексивно тематизировать и в прагматическом плане постепенно преодолевать различия между языками (курсив мой – С. Д.)» [1, с. 216]. Это положение, весьма ценное для обоснования по крайней мере некоторых разделов современной лингвистики, в частности, делающее возможной продуктивную работу в рамках лингвистической типологии, лексической и грамматической семантики, практически обесценивает огромный пласт

социологической теории начиная с классиков. Если добавить и сделанный нами выше в терминах увеличения дистанции вывод о «безграничности» коммуникации, то будут сведены на нет теоретические усилия социологов, традиционно полагающих, что растущее влияние метафоры глобального мирового сообщества еще не отменило значимость национального государства.

Разумеется, Хабермас не ставит перед собой столь «деструктивной» критической задачи; напротив, он осуществляет довольно обширный синтез предшествующих социологических концепций. Тем не менее наши результаты наводят на некоторые размышления о совместимости теоретических ресурсов. С одной стороны, если сделанные нами выводы верны, то хабермасовская теория коммуникации не совместима с социологическими теориями, неотъемлемой частью которых является пространство, или по крайней мере дистанция как параметр социального взаимодействия, оказывающий на него значимое влияние. С другой стороны, наши рассуждения построены на анализе, скорее, метатеоретических, философских предпосылок теории коммуникации Хабермаса, и вполне возможно, что некоторое несоответствие этих предпосылок представлениям, лежащим в основе других социологических теорий, не является препятствием для продуктивного комбинирования ресурсов этих теорий. Впрочем, здесь мы можем лишь указать на важность подобных вопросов для социологического теоретизирования.